

А. ИВАНОВ

Логе и Зигфрид

На высоком утесе лежит Дева в глубоком сне; Пламя, грозно бушуя, окружает утес и охраняет ее сон; оно возжено здесь Отцом Девы. Робкому не пробудить ее ото сна; Огонь заградит ему путь к ней; он наполнит его сердце неодолимым ужасом. Лишь тот, кто не ведает страха, сможет свершить этот подвиг; без страха он пройдет через Пламя и разбудит Деву; ее женихом может стать только неустрашимый герой.

Лишь тот не устрашится грозного пожара Логе, возженного отцом Невесты, в ком таинственно горит тот же Пламень, что опоясал утес, горит столь же мощно. Светлому чужд страх, удел темных, омраченных грехом; в нем нет страха перед Пламенем, грозно сияющим ему навстречу; ведь то же Пламя, столь же мощное, пылает и в его сердце, оно родное ему. Если душа осенена Мраком, Огонь, в ней горящий, ослаблен и загашен его чарами; Мрак рождает в душе *страх*; и потому ослабленность Огня неразлучна с даром страха. Чем светлее душа, тем свободнее горилл в ней святой Логе, тем дальше от нее темный дар страха. Неустрашимый герой – это Пламенный герой; лишь он проникнет через Огонь к Невесте; в нем Логе пылает свободнее, мощнее, чем Пламень, которым охраняет спящую ее отец. Сияние Пламени, что встретит героя на его пути, не ужаснет его; а его собственный Огонь наполнит его таинственной пламенной отвагой и грозным неукротимым весельем. Вотан возжег гневный Огонь вокруг спящей Валькирии; это пламенная ревность отца хранит дочь от искателей, недостойных ее, бережет ее для истинного жениха, для светлого героя, в чьей крови разливается свободное благородство таинственного Пламени Логе.

Один Зигфрид смог свершить великий подвиг пробуждения Валькирии; он бесстрашно вступил в Пламя, объявшее утес, и прошел через него, ибо, хоть оно бушевало с грозной мощью, тот же святой Огонь, еще грознее, еще ярче пылал в груди Зигфрида. Его не устрашила ревность отца, он не изведal ужаса пред ее сиянием, но Огонь его собственного сердца, вспыхнув могучим пожаром, наполнил его безумной отвагой и грозным ликованием, и, объятый этим святым пожаром, он огненным поцелуем разбудил деву ото сна. Один Зигфрид – истинный жених Валькирии, для кого хранил ее Пламень отца, Огонь Зигфрида еще мощнее, чем Огонь Вотана, кровь его еще благороднее.

Зигфрид – избранник Логе, его герой; он одарен его святым Пламенем, богаче всех на земле; и Пламень этот свободен, не омрачен и тенью греха. Некогда Логе пылал во всем мире и в груди Вотана столь же свободно, как ныне горит лишь в одном Зигфриде. Но чарами своего Копья Вотан укротил Огонь в себе самом и всем живущем, и Огонь утратил первобытную свободу, холод Копья ослабил его жар, Мрак враждебных чар умерил его сияние.

Вот отцовская ревность бога становится на страже сна Валькирии; Вотанов Логе по его зову кольцом окружает скалу. Но несвободно Пламя бога, оно разливается грозным морем, но кольцевое очертание пути, по которому оно разливается, указано ему Копьем, поработившим его; под игом Копья неполна свобода вотанова Логе. И потому через огненную ограду, ужасающую всех, Зигфрид, герой более свободный, чем бог, пройдет бестрепетно. Вотан завещает свою дочь, свое наследие свободному, бесстрашному герою, и он знает, что свобода и неустрашимость грядущего жениха – в его неукротимой пламенности. И в Огне, которым он окружает спящую, отец уже провидит брачный костер для дочери, грядущий пожар свободного Логе в груди жениха. Оркестр охвачен таинственно ликующей пляской Логе: это пламень Вотана гневно и грозно разгорается вокруг утеса. Но вместе с тем в ней словно звучит пророчество о великой пламенности грядущего Зигфрида, той неукротимой пламенности, в которой его свобода и бесстрашие, и вот среди бушующей пляски Логе, словно объятай ею, пророчески гремит напев «Зигфрида», свободного, неустрашимого героя.

* * *

Что же это за Огонь? Какой таинственный пламень зовется именем Логе? Это Пламя святой радости жизни, Огонь ее таинственного опьянения. Он, древняя мировая стихия, разливается по миру, вливается в светлых избранников Жизни, пылает в их сердцах мощными порывами. Кто носит его в себе, опьянен неугасимой ликующей жаждой жизни; его существо наполнено пламенными языками святого Логе, и под их чарами кровь его мощно бушует в жилах и покрывает щеки краской жизни; языки эти с ликующим смехом вихряются в таинственной пляске, и сердце тоже исполнено смехом и пляской. Над одержимым Пламенем опьянения не властен Страх, ибо оно есть Пламя непостижимой отваги. Логе дает своим избранникам великую светлую мощь, ею свершают они светлые подвиги. Они разят этой мощью темных врагов Жизни, стремящихся омрачить и погасить ее на земле; ею же создается и то, что зародилось в творческих мечтах Огненосцев, воплощаются их светлые замыслы. И чем полнее и свободнее пылает в среде Огонь Жизни, тем грознее, неодолимее мощь, даруемая им. Святой Пламень Жизни в детях Земли принимает много различных образов. Огонь Вотана, когда он заклинал девственный сон дочери, явился пламенем отцовской ревности, светлым огненным гневом отца, ограждающим дочь от недостойных. Огонь Зигфрида, когда он стремится на вершину утеса к невесте, явился пламенем любви, охватившим жениха ликующим пожаром. И еще во многих образах является Логе в сердцах богов и людей.

Великие чудеса свершает в мире святая стихия Опьянения; но одно из них глубже и чудеснее всех. Это величайшее чудо Огонь творит, когда он охватывает могучим *Пожаром любовь между мужем и женой*.

Когда в груди мужа рождается любовь к жене, Логе живущий в нем, разгорается мощным ликованием; этим пламенным ликованием обвеяна его любовь, и в Огне ему видится образ жены, еще спящей для него, еще девы. В ликующем Пламени собственного сердца он находит свою невесту; и ему добывает ее этот же забушевавший Пламень. Великий пожар, охвативший его, перебрасывается и на спящую, и будит ее для него ото сна девственности. Пожар напоит сердце невесты тем ликованием, каким полон жених; Огонь, охвативший их обоих, мощно объяввший их любовь, сольет их существа воедино, соединит их *союзом мужа и жены*, новым и бездонно-таинственным. И с того часа все в жене будет принадлежать также мужу, все, чем обладает муж – жене, до глубочайших недр их существа. И этот союз величайшее из чудес, свершаемых святой стихией Логе.

Пришел и для Зигфрида час изведать великий пожар любви к жене, самое могучее из опьянений Пламенем Жизни. Он пред утесом, где спит его невеста. Бушующее море Пламени спускается по склонам утеса ему навстречу: это воплощение отца Огня, грозно разящего, но нестрашного для Жениха. Но теперь вместе с тем огненное море вокруг скалы становится также воплощением пожара любви к жене в зигфридовом сердце; это Пламень жениха, волнуемый образом невесты, объяввший этот образ; в груди Зигфрида мощным морем бушует его Логе, жарко охвативший утес, где спит Валькирия:

Die Glut, Die Brünngild's Felsen umbrann,
Die brennt mir nun in der Brust!

Как брачный костер разливается перед Зигфридом море Пламени; оно манит его неизведанным грозным весельем, и с ликующим криком он бросается в него, чтоб искупаться в нем, упиться таинственным весельем, найти в нем невесту и разбудить ее пламенным поцелуем:

Ha! Wonnige Glut! Leuchtender Glanz!
Strahlend nun offen steht mir die Strasse!
Im Feuer mich baden,
Im Feuer zu finden die Braut!

И там, на вершине утеса святой пожар его сердца охватил и сердце невесты, и слил их существо воедино чудесным новым союзом. Огонь Зигфрида разбудил Брунгильду ото сна, чтобы она стала ему женой.

* * *

Зигфрид – герой Жизни, он зовется Пробудителем Жизни, Жизнью Земли. Он избранник Пламени Жизни, и носитель величайшей мощи, даруемой Логе. Есть геройский Меч, воплощение величайшей в мире Огненной мощи; эта сила несвободна под игом Копья, и Меч сломан. Сковать обломки Нотунга в новый, свободный Меч может один лишь Зигфрид, свободный в своей пламенности, не знающий страха:

Nur wer das Fuchten nie erfuhr,
Schmiedet Nothung neu!

Зигмунд-Вельзунг был избран носителем величайшей пламенной силы. Он владел мечом. Вотан мнил в своем заблуждении, что эта сила свободна в Зигмунде, не видел, что Нотунг надломлен Копьем. Но рушилась обманчивая мечта бога, и меч Вельзунгов распался надвое от прикосновения Копья; пал Зигмунд, мнимо-свободный герой. Но Зигфрид, его сын, свободный Вельзунг унаследовал пламенную силу Зигмунда, и она возродилась в нем свободной, неомраченной и тенью чар Копья. И в урочный час он воскресил сломанный меч Вельзунгов.

Никакое искусство не могло вновь слить воедино обломки Нотунга; но вот к великому делу приступает сам Зигфрид, бесхитростный, ненаученный никем, лишь объятый могучим упоением своего пламенного сердца, и в руках его геройский меч создается из осколков без труда, словно сам собой. Огонь, бегущий по его жилам, таинственно охватил горн и плавит сталь; он направляет руку Зигфрида, наполняет великой силой удар его молота, и мечет искры под тяжкими ударами. Сам Логе, живущий в Зигфриде, его огненная мощь воплощаются в воскресающем Нотунге. И вот создан истинно свободный Меч; в нем пламенная сила Вельзунгов, уже не надломленная Копьем; скован разящий луч свободного Пламени свободного героя, скован им самим. Один Зигфрид мог сковать его, он один может и владеть им; он – истинный Меченосец.

Создание Меча – это созревание Зигфридова Огня. Отрок Зигфрид растет вдали от мира, в глубине леса, и с каждым днем зреет и крепнет Пламя, свободно горящее в его груди с самого рождения. И вот в урочный час исполнились строки, и Огонь в отроке созрел до конца; и в этот час он сковал свой меч и обрел всю полноту своей геройской мощи.

Святой Огонь Жизни – стихия *мужей*. Сердце мужа источник, где рождается великий Логе, откуда он сияет всему миру. Каждый муж приходит в мир, уже неся в недрах своего существа таинственное Пламя Опыянения. И сперва оно живет в душе его скрыто, словно еще не сознаваемое самим носителем; и это длится, пока человек еще дитя, *отрок*, пока еще не стал истинным *мужем*. Огненная мощь все крепла в отроке, все шире и полнее разливалась по его жилам. Потом пришло время, и Огонь в нем созрел до конца, и сила его разрослась до всей полноты, какая заложена была в его одаренности стихией Логе. Но и это созревание Пламенной мощи еще не превратило отрока в мужа; по-прежнему он чувствует в себе свой Пламень лишь смутно, как бы не произнося еще его имени; он еще полон смутной отроческой порывистости. Чудесное превращение *отрока* в *Мужа* свершится в нем в тот час, когда он впервые изведает ликующий пожар любви к жене. Тогда-то будет сознано доселе лишь полусознаваемое; тогда-то в самых недрах его существа будет словно произнесено имя Пламени, доселе произнесенное; величая уверенность мужа в пламенной мощи своей сменит тогда смутную порывистость отрока. Сердце отрока вечно живет в предчувствии этого пожара, который раскроет ему новое, неизведанное, сладкое и таинственное предчувствие.

Оно знакомо Зигфриду, Огненному Отроку; как в смутном сновидении носится пред ним образ Девы, объятай пламенем. Однажды Миме пытался научить его страху; он говорил Зигфриду о призраке Пламени, что мерещится ему порой и потрясает ужасом его темное Сердце; тайну страха Зигфрид не постиг, но зато речи Миме навеяли на него знакомое отроческое предчувствие, Огненное Видение, и оно откликнулось в музыке. Буйные напевы «Пламени» пророчески охватили оркестр, и среди них как бы возникая из них, явилась баюкающая мелодия спящей Валькирии.

Созрела мощь Зигфрида, скован Нотунг, но он все еще не стал из отрока мужем. Мужем он станет лишь у скалы, где спит Брунгильда. И предчувствие желанного пожара любви сладостно живет в его груди.

* * *

Среди детей земли есть *темные*, в коих от века загашены светлые силы жизни, в ком не пылает Логе, и нераздельно царит стихия Мрака. Видят ли они Пламень, горящий в Зигфриде, когда взор их останавливается на герое?

Мрак владеет *темным*, и под чарами его в душе рождаются и вечно живут *призрачные ужасы*: ему чудится, что извне в его сердце заглядывают с угрозой враждебные силы. Одна из них – Мрак, царящий в темных, подобных ему, другая – Пламень Логе, стихия светлых. Душа, одержимая Тьмой, сама рождает страшные призраки гнетущего Мрака и разящего Огня, но ей чудится, что это извне приходят Мрак и Огонь; так возникают призрачные ужасы, темные и пламенные. Призраки эти смутны, беспричинны, как бы невоплощенные; в них являются пред темным враждебные силы, но враги, носители этих сил, не являются; в призраках грезятся ему Огонь и Мрак, мировые стихии, но им не сопутствуют, как их воплощения, образы сынов земли, огненного и темного. Призрачные страхи рождаются в душе безобразными.

Темному суждены не одни призрачные ужасы; ему суждены и иные, и те уже истинно приходят извне. Они, подобно призрачным, бывают, то темными, то пламенными, и что в тех было только как бы предчувствием, в них сбывается на самом деле. Их не рождает само сердце под игом своей омраченности; они возникают в нем от прикосновения других детей земли, врагов светлых иль темных. Враги темного прикасаются к нему своим разящим Огнем иль гнетущим Мраком, и те внедряются ему в сердце, наполняя его трепетом ужаса. И в душу его заглядывают уже не призраки враждебных стихий, рожденные ею самой, а сам Мрак и сам Пламень; это *истинные ужасы*, темный и огненный. Истинный страх возникает не безобразным, как призрачный; в нем темный не только видит пред собой враждебную стихию, он видит также, что она льется из врага, из того, кто навевает на него трепе ужаса. И в те мгновения, когда истинный страх владеет душой и мировая стихия Мрака или Пламени предстает пред ней, неизбежно вместе с ней поднимается в душе образ сына Земли, темного или светлого; образ неразрывно, неразлучно связан со стихией. Это образ ее носителя, который теперь прикасается к душе темного и поражает его ужасом.

Смутная безобразность призрачного страха неустанно тревожит темного; это предчувствие ужаса, но пред врагом, еще неведомым. И он в тревоге всматривается в мир и ищет там то, чего сама душа его родить не может, ищет образов для безобразности своих призрачных страхов, воплощений для смутных призраков Огня и Мрака, светлых и темных врагов. И, когда Темный, встретив другого сына Земли, увидит в нем Пламень иль Мрак, мировые стихии, будет найден один из этих образов, одно из этих воплощений; тогда и в призрачном страхе, подобно тому, как в истинном, враждебная стихия явится пред ним соединенной с образом врага, ее носителя. И он узнает тогда, пред кем живет в его сердце призрачный страх, предчувствие истинного; узнает, что вот этот сын Земли враг ему, и Пламень иль Мрак, живущий в нем, некогда воистину поразит его. Неустанно тревога смутного предчувствия толкает темного искать врагов, светлых и темных, угадать врага раньше, чем он прикоснется к нему своей враждебной мощью.

Темный знает Мрак неким прямым знанием, слепым чутьем, знанием без мысли. И в других темных он постигает Мрак этим же мгновенным знанием; и потому без мысли, без хитрости он угадывает темных врагов меж детьми Земли, и они становятся образами для его темных призрачных ужасов. Для темного Мрак – родное, Пламень же чужое ему; но в иные мгновения ему дано и Пламень постигать тем же слепым знанием без мысли, это мгновения пламенного ужаса; чрез огненный страх, призрачный и истинный, темный познает без мысли великий Огонь Жизни, хоть ему он открывается иным, чем таинственная отвага и упоение огненосцев.

Вот темный встретил светлого сына Земли, и тот приблизился и прикоснулся к нему своей силой; он охвачен истинным пламенным ужасом, он познает эту силу: разящий Огонь; но в этот миг он не только постигает Огонь – стихию, он познает также, в ком она пылает, в сыне Земли, повергшем его в ужас, он угадывает Пламень так же мгновенно, так же без мысли и хитростей, как угадывает Мрак в темных. И лишь в истинном страхе темный чувствует Огненосца, только в нем одном, ибо лишь с этим ужасом образ светлого врага связан неизбежно, лишь в нем Логе является неизбежно воплощенным. Но, пока темный еще ни разу не изведаль истинного ужаса, как увидит он Пламень в Огненосцах? Каким иным путем он найдет среди детей Земли светлого врага и в нем образ для безобразности своего призрачного огненного ужаса, пока ему знаком будет лишь этот ужас, смутное, невоплощенное предчувствие истинного?

Есть для темного этот иной путь; это хитрость, зоркая мысль разума. Вглядевшись мыслью, он может увидеть Пламень, горящий в светлом; это Познание не прямое, не мгновенное,

он разглядит Огонь лишь постепенно и как бы извне, но все же разглядит, если зорка его мысль, глубока его хитрость.

Хитер и многое знает Миме, темный нибелунг; не даром он вскормил Зигфрида и бережет его наследие, осколки меча; он знает, что Зигфрид – отпрыск Вотана, а Меч – геройская сила Вельзунгов; теперь она лежит в обломках, но отроку суждено владеть ею, вновь воскресшей, тогда новым мечом своим герой сразит Змея и добудет для Миме золотой клад, хранимый им в дремучем лесу. И вот Миме хитро трудится над осколками Нотунга, раздумывает, как бы ему воскресить Меч.

Темную душу Нибелунга вечно тревожат два призрачных страха; в нее заглядывают призраки Огня и Мрака, смутные, невоплощенные; Миме мучит тревога о том, кто же его неведомые враги; и он всматривается в мир и старается найти их среди детей Земли.

Без труда, без хитрости находит он темных врагов, и один из них это мрачный Змей, которого он замыслил сгубить. Лишь Миме взглянул на Змея, он почувал в нем Мрак и великую его мощь, и с тех пор темный призрачный страх соединился в его душе с образом Фафнера. Но Миме не может найти светлого врага; Зигфрид, светлейший из Огненосцев, всегда с ним, около него, но он не в силах увидеть его пламенность, чтобы он стал образом для безобразности призрачного огненного ужаса. Мысль Миме не в силах увидеть сокровенное для темного, одна, если другое не придет ей на помощь, хитрость его мелка, и даже то, что она сама сумела понять в Зигфриде, она поняла все же не до конца. Хитрость открыла ему, что все в Зигфриде иное, все противоположное с ним самим, темным Нибелунгом. Она указала ему в отроке порывы таинственной отваги, в которых все противоположно трепету призрачных ужасов в нем самом. Его же хитрость сумела понять, что эта отвага не может жить в сердце вместе с призрачными страхами, что они губят ее. Таинственную отвагу, нетронутую, не истребленную даром ужаса, Миме давно увидел в Зигфриде своей мыслью и назвал ее неустрашимостью, о ней он давно сказал себе: «Зигфрид не ведает страха». Но мысль его не могла заглянуть глубже и понять до конца неустрашимость отрока. Если бы он видел Пламень Зигфрида, ему бы стало ясно, что в Пламени и коренится его таинственная отвага; что гибель этой отваги от призрачных ужасов есть порабощение Пламени Мраком, из которого они раздаются; что неустрашимость коренится в неомраченной пламенности; но Огня Миме не видит. Если бы он видел Пламень, ему бы стало ясно, как беспредельны его старания своими темными руками сковать Нотунг, светлую мощь Вельзунгов; тогда бы открылось ему, что Меч это мощь Огня Жизни, и лишь сам Вельзунг, неомраченный Зигфрид, воскресит ее неомраченной; но Огня в Зигфриде Миме не видит, хоть он и хитер и многое знает.

И он не постигнет в герое пламенного врага, пока не придет другой и мудрым намеком не натолкнет мысль Нибелунга на истинный путь.

* * *

И вот как произошло, что Миме увидел наконец Огонь, пылающий в Зигфриде. К нему в пещеру заглянул Путник и беседовал с ним, и на прощание, как бы пророча, он сказал Миме нечто о Бесстрашном, о Зигфриде. В тех словах Путника и в самом голосе его, полном значения, были чары, что родили в душе нибелунга мысль, никогда ранее не осенявшую его.

Не сумел Миме ответить Путнику, кто вновь скует Нотунг; и Путник теперь сам назовет ему воскресителя Меча, и вместе с тем он откроет Миме, что от воскресителя грозит ему гибель. Вот пораженный, онемевший Миме внемлет прощальным речам Путника. Голосом полным насмешки, Путник величает его победителем Фафнера, и этим, словно тешась над ним будит в душе Нибелунга призрачный темный ужас вместе с образом мрачного Змея.

Jetzt, Fafners Kühner Bezwinger,
Hör' verfassener Zwerg!

И тема «Змея» угрожающе шевелится в музыке.

Потом Миме слышит, что Путник заговорил о том, кто не ведает страха, и знает он, что это Зигфрид, его питомец; он слышит загадочную весть, что Меч воскресит лишь он, Бесстрашный Отрок. Эти слова чудятся ему несбыточными и не понятны для него, теперь еще не понятны; и потому они не поразили его, не проникли ему в душу, но зато было нечто в звуках голоса Путника, когда он их произносил: были чары, что разбудили в нем нежданно вечно знакомый призрачный огненный страх;

Nur wer das Fürchten nie erfuhr,
Schmiedet Nothung neu! –

и мгновенно откликнувшись на эти слова, «гул Пламени» объял оркестр: перед взором Миме заволновался грозный призрак огненного моря.

Вот снова Миме слышит голос Путника, будящий призрачный страх, и слова, что он теперь вещает, понятны ему, проникают в душу Нибелунга; это последние слова Путника:

Dein witziges Haupt wahre von heut'
Verfallen lass' ich's dem,
Der das Fürchten nicht gelernt!

Эта весть о грядущей гибели от Зигфрида проникла в душу Миме и встретила там с призраком пламенной стихии. Это мудрый Путник устроил, что пред мыслью Нибелунга встали рядом и одновременно и враждебный Огонь и гибель, грозящая от бесстрашного врага; и этим путник словно сказал его мысли, его разуму: «гляди! гибель придет от разящей силы пламени! Пойми же, что эта сила и есть светлая мощь Зигфрида, что сгубит тебя!». И не бесплоден был для Миме этот намек, мгновенно родилась в нем мысль, которую без него он был не в силах создать: Зигфрид-Огненок. Так найден им светлый враг, и отныне призрачный огненный ужас его сердца соединился с образом Неустранимого. Величавый напев «Зигфрида» прозвучал при последних словах Путника, и вслед за ним еще грозней охватил оркестр «гул Логге».

Под чарами речей Путника в Миме пробудились призрачные страхи, сперва темный, потом пламенный; теперь исчез Путник, но ужасы, потревоженные им, еще царят в душе Нибелунга; они соединились вместе и ввергли его, одинокого, в дикий трепет. Словно застыв, он глядит в лес, и в сиянии солнца, пронизывающем листву ему чудится призрак Пламени, слышится свист и шелест Огня, огненные языки тянутся к нему с угрозой. А из тени, что лежит внизу меж стволами деревьев, выползает призрак Мрака, близится темная мощь Змея, разверзается страшная пасть. Неистово разыгравшись, бушуют в оркестре напевы «Пламени», и из-за них разрастаясь вместе с ними, все грознее и грознее подымается мрачная тема «Змея». И Миме пал наземь, обессиленный ужасом, подавленный вечными призраками двух враждебных стихий, и эти стихии воплощены для него в образах Зигфрида и Фафнера.

Потом улегся дикий трепет, исчезли призраки, разбуженные Путником; но осталась в душе Миме мысль, заброшенная его речами: Зигфрид-Огненок; теперь он видит Пламень в отроке. И теперь хитрость его скоро поймет то, что она знала раньше, но не в силах была понять до конца, ибо не видела Огня: тайный смысл Зигфридовой неустранимости и меча Вельзунгов. Нибелунгу грозит смерть от Зигфрида, душа его смущена и встревожена, а хитрость его ищет, как отвлечь ее. В этих поисках для разума Миме попутно, словно само собою, раскроется до конца все неясное о Зигфриде и его мече.

Вот Миме разыскивает путь, как ему спастись; тревога и смущение сперва наталкивают его на ложные пути. Гибель придет к нему оттого, кто не ведает страха, и он думает: «Зигфрид должен научиться страху, тогда исчезнет опасность!». И вот, спеша, не размышляя, что делает, он пытается внушить Зигфриду призрачный огненный ужас, только что потрясавший его самого, внушить своими речами; в своем смятении Миме словно забыл, что в отроке все противоположно с ним самим, что в нем нет Мрака, откуда бы в нем родился этот страх, откликнувшись на зов Нибелунга. И он поет Зигфриду об огненном призраке, что посещает его порой, наполняет трепетом ужаса; а в душе Зигфрида в ответ встает его собственное Пламенное Видение, но это не ужас; это смутное отроческое предчувствие грядущего пожара любви; и он думает, что о пожаре и поет ему теперь Миме. Да, предчувствие это знакомо отроку, но он не знал доселе, что имя ему – страх, как называет его Миме. И как хотел бы он на деле пережить все, что смутно сулит пламенное предчувствие, на деле изведать страх; но не верится ему, чтобы страху мог научить его Миме.

А тот меж тем уже сознал свое заблуждение, вспомнил, что в сердце Зигфрида нет Мрака, и дара призрачных ужасов. Но все же не бесплодно для себя Миме пел отроку об огненном призраке: раскрылось для его хитрости нечто доселе скрытое от нее. Нибелунг глядит на отрока, задумчиво слушающего его и видит, как отважно и жадно он мечтает о пожаре грозного Логге, он снова видит порыв таинственной отваги, но не отравленной призрачными ужасами, давно знакомой ему в Зигфриде. И вот словно сама собой открылась его мысли тайна неустранимости

отрока, и он понял, что она коренится в Огне, который он видит теперь в Зигфриде, в пламенности, не омраченной и тенью Мрака, чуждого герою.

Снова Миме хитро раздумывает, как научить Зигфрида страху, и ему ясно теперь, что должно вселить в него Мрак, порабащающий Пламень; тогда исчезнет его неустрашимость, и разящие лучи Логе, скованные темными чарами, более не будут грозить Миме гибелью, предначенною Путником. Стихия Мрака одаряет своих рабов темной мощью насилия; и когда темный одолевает светлого чарами этой мощи, он внедряет ими Мрак в его светлое существо, и с ним ужас. В самый миг насилия, победы темного, душу светлого охватывает темный истинный ужас, ужас перед победоносным врагом, внедряющим Тьму. Темный враг отойдет от него, но страх останется достоянием светлого; отныне душа его сама будет рождать вечные призрачные ужасы, темный и огненный, ибо Тьма, внедренная насилеием, уже не покинет ее.

Найдется ли среди темных столь мощный, чтоб вселить Мрак и ужас в Зигфридово существо? Миме мнится, что один лишь Фафнер, могучий Змей, мог бы это свершить, ибо в нем безмерна темная мощь насилия. И вот он обещает Зигфриду, что сведет его к логову Змея; чему не мог научить его Миме, тому научит Фафнер: пред ним Зигфрид затрепещет от страха. А Зигфрид, услышав о Змее, полон жажды встретиться с ним; что он мечтает узнать от него, что называет страхом, не есть страх, а иное; и каждый раз, как Миме говорит ему о Змее, мрачном учителе Ужасу, звучат мелодия «Сна Брунгильды» или «Гул Пламени», откликаясь на затаенную думу отрока.

Но сможет ли даже сам Фафнер научить Зигфрида страху? Не сам ли Миме знает, что в нем растет Вельзунг, судьбой назначенный сразить Змея? Не сам ли он долгие годы лелеял замысел, что Зигфрид добудет ему золотой клад Фафнера? Разве Зигфрид – избранный Вельзунг, убийца Змея, если Змей в силах уничтожить в нем своим Мраком огненную отвагу? Скоро сознал Миме, что он все еще на ложном пути, куда смущение и тревога завели его разум; теперь ясно стало ему, что не в Зигфридовом страхе должно искать спасения. И вот уже ему мерещится иной путь; пусть герой сразит Фафнера и достанет клад, тогда Миме сгубит его темной и хитрой изменой.

Меж тем пришел урочный час воскреснуть Нотунгу; Зигфрид берет обломки, чтобы самому сковать Меч, и Миме вспоминает прощальные слова Путника: «лишь Бстрашный вновь создаст Нотунг!»; смысл этих слов темен для Миме: ведь даже он сам, искуснейший из кузнецов, не в силах соединить осколки, как же сможет свершить безмерно хитрое дело Зигфрид, бесхитростное дитя? Но теперь пришло время, и тайный смысл Меча уяснится для его мысли сам собой, ибо теперь он видит Огонь Зигфрида. Миме глядит, как вспыхнул горн и озарил Пламенем лицо героя, сердце его вздрогнуло, слегка охваченное призрачным ужасом, снова «пляска» и гул Логе мимолетно возникли в оркестре. Тот, чей образ для Миме соединен теперь с этим ужасом, светлый враг стоит у горна, и от него, чудится Миме, исходят грозящие признаки огненных лучей, и Миме видит, что воистину Меч воскресает в руках отрока; и вот тогда он мгновенно понял, что Меч – это свободная огненная мощь Зигфрида, и грядущие подвиги Нотунга – это подвиги Зигфридова Логе; он постиг, что лишь Зигфрид может воскресить Нотунг, и меч скуется в его руках словно сам собой, без хитрости и искусства. И ясно стало для Миме, как безумен был он сам со всей своей хитростью и искусством, когда старался сковать Меч своими темными руками. Так раскрылся для его разума тайный смысл Зигфридова Меча.

Миме слаб, в нем ничтожна текная мощь насилия над врагами; и потому, если в другом он видит великую силу, темную или светлую, в сердце его незримо, безотчетно проникает раболепное смирение. Ползучий мотив «раболепства», в котором словно слышится льстивое хихиканье Нибелунга, явился впервые, когда в беседе с Путником он понял, что перед ним могучий бог-Копьеносец. Теперь Миме открылся смысл Зигфридова Меча, и мотив этот является снова, и теперь с ним соединяются мимолетные вспышки «пляски Логе»; в нем звучит теперь раболепное смирение Миме перед Пламенем героя, Нотунг – это луч его великой огненной силы.

А путь к спасению от гибели мысль Миме все ищет и ищет, тревожно и неустанно; и вот чудится ему, что истинный путь, наконец, найден. Зелье, хитро сваренное Нибелунгом, усыпит взор и слух победителя Змея; тогда он сгубит Мечносца своей слабой рукой и овладеет золотым кладом. И в то время, как Зигфрид, ликуя, кует Нотунг, Миме варит свое зелье, и сердце его полно темного торжества своей хитростью.

Так произошло, что Миме, недоумленный Путником, постиг великую и свободную пламень Зигфрида.

* * *

Окреп и созрел Огонь Зигфрида, скован Меч, Змей сражен им. Потом пришел урочный час видению пожара любви сбыться наяву, а отроку стать мужем. Пожаром он пробудил невесту и, объятый им, познал в себе свой Пламень; в глубинах его существа было произнесено, наконец, имя Логе, с этого час в нем навеки родилась величаящая уверенность мужа в мощи своего Огня, сменив смутную порывистость отрока. Отныне напев «Пламени» будет сопровождать Зигфрида в музыке, словно ему, отроку этот напев не был еще слышен; он станет слышен Зигфриду-мужу.

Пламень, окруживший утес, есть воплощение ослабленного Вотанова Логе; но вместе с тем в нем воплотился и свободный Зигфридов Логе, воплотился с того часа, как герой увидел утес Невесты. Пламя, что вокруг скалы, вспыхнуло, всколебалось могучим пожаром Зигфридовой любви. Пока еще свершается великое таинство союзамужа и жены, пока еще не завершено слияние их существ, пожар полон безумного смятения, как только что вспыхнувший костер. Пламя мечется, колеблется. Потом завершается великое слияние, и тогда в пожаре исчезает его смятенность, сияние его становится ровным. Пламя вокруг скалы по-прежнему пылает пожаром Зигфридовой любви, столь же могучим и рабостным, но теперь оно пылает ровно и покойно, разливая бестрепетное сияние, как разгоревшийся костер. Огонь грозит дерзкому, подходящему к Брунгильде; это Зигфридов Логе: в нем пламенная ревность мужа, свято охраняющая жену; она вместе с пламенной ревностью отца хранит Брунгильду.

Новые подвиги зовут Зигфрида; он прощается с Брунгильдой; он оставляет ее под защитой Огня святой ревности мужа. Вот он радостно уезжает вдаль; сердце его полно мужественной уверенности в своем Логе; напев «пляски Пламени» ликует в оркестре, и он, Огненный Муж, слышит его в своем сердце. В этом Пламени играет мощный пожар его любви, теперь сияющей ровно и покойно, и потому напев его звучит так же мощно и покойно. В этом Пламени его грозная ревность.

Потом под чарами темной стихии Зигфрид забыл Брунгильду, любовь в ней исчезла в его сердце, и огонь его перестал пламенеть пожаром любви к ней. Но мужественное сознание Пламени, родившееся с этим пожаром, не исчезло в Зигфриде. Как только он вспыхнул, в сердце героя таинственно и на веки освободилось это сознание, и имя Логе не замолкнет в глубине его существа, если даже исчезнет воспоминание о пожаре первой любви; отрок сделался мужем навсегда.

И, сам того не зная, Зигфрид изменил Брунгильде: в его сердце новая любовь. Но к Гутруне не сравнится в глубине с прежней. Она также овеяна пламенем Логе, но оно ничто пред былым безмерно-могучим пожаром к Брунгильде; и потому напевы «Пламени» не вспыхивают в тот миг, когда, испив напитки забвения, Зигфрид взглядывает на Гутруну, и в нем загорается любовь; и «пляска Логе», что является потом и сопутствует Зигфриду, уже жениху Гутруны, говорит не о пламени его новой любви.

Пусть Гюнтер отдаст сестру ему в жены; за эту награду Зигфрид готов служить ему. За нее он добудет для него ту, о ком доселе Гюнтер мечтал напрасно, гордую деву, что живет на утесе, опоясанного Огнем. Он сам вызывается быть сватом, полный пламенного нетерпеливого порыва, и «пляска Логе» рождается при этом в музыке.

Зигфрид клянется Гюнтеру в верности; они заключают кровный союз братства. В Зигфридовой крови трепещет и разливается святой Огонь Опьянения, она есть кровь цветущей жизни. Она должна в братском кубке смешаться с кровью Гюнтера. Вот Зигфрид простер свою руку над рогом, готовый открыть жилу. Кровь его, бурно ликуя, течет по жилам, «пляска Логе» вихрится в оркестре. Кровь таинственно отворена мечом и струится в рог. И снова напев «Пламени» мимолетно вздрагивает, когда Зигфрид поет слова своей клятвы:

Blühenden Lebens Labendes Blut
Träufelt'ich in den Trank!

Зигфрид радостно спешит на сватовство; в нем для него лишь веселое приключение и неведом ему его истинный смысл. Он должен вывести Брунгильду из пламенной ограды, через которую не переступить никому, кроме него, и для того, чтоб самому же отдать другому свою супругу. Уже в Пламени, окружающем утес, не пылает ревность мужа, с тех пор как он забыл Брунгильду; в Пламени этом снова лишь одна отцова ревность, хранящая дочь; но теперь она должна лишиться и этой защиты. И это должен был свершить и свершить над нею муж ее; он сам предал ее в руки недостойного, предал в силу таинственной власти мужа над женой, и решению

этой власти не может противиться даже пламенный гнев отца. Ничего этого не знает ослепленный Зигфрид; в душе его лишь веселье о подвиге, когда он в нетерпении спешит на сватовство, и когда он поет Гутруне о том, как оно свершилось; и это веселье откликается в музыке напевом «Огня».

Пред Гюнтером и Гутруной пред Хагеном и мужами Гибиха Брюнгильда обвиняет Зигфрида в обмане и измене клятвам. Сердце героя полно пламенной беспечности, и спор кажется ему бесплодным и докучным. Вспышки «пляски Логе» пробегают по оркестру, когда Гутруна просит, чтоб он очистил себя от обвинения; это его беспечность нетерпеливо рвется прочь от докучных речей. Ярче вспыхивает «пляска», когда он, наконец, бросает бесплодный спор; веселая беспечность пламенного мужа влечет его прочь от женских жалоб и мелочей:

Doch Frauengroll friedet sich bald!

На охоте в лесистой долине на Рейне Зигфриду суждено умереть от изменнического удара врага; близится роковой миг, а он пламенно радостен, и на устах у него веселые речи. Он проливает беспечно на землю вино из своего кубка, вино, которое называет своей кровью, и свершает своей огненной кровью пророческое возлияние Матери-Земле; снова «пляска Логе» вихрится в оркестре, а сумрачный Гюнтер шепчет со вздохом: «о герой, через край веселый!».

Наконец Зигфрид лежит перед нами мертвый на погребальном костре; герой сражен темной силой, и разорван его союз с Брунгильдой. Теперь весь мир ждет от него подвига, величайшего из всех содеянных им. И вот свершается великое чудо: Пламя мертвого героя вновь возгорается, таинственно преодолевая чары Мрака, сковавшие его. Святой пожар охватывает костер, чудесно поглощая все, что мертво в существе Огненосца; «мотивы Логе» дико ликуют. Брунгильда бросается в Пламя костра, оно поглощает и ее, пожирает и в ней все омраченное, все омертвелое. И в этом Пламени воскресает пожар любви, вновь соединяющий воедино мужа и жену, расторгнутых Мраком, они снова соединились на погребальном костре, который вместе с тем – их брачный костер. Потом Огонь их костра таинственно разливается по всему миру, и небеса охвачены мировым пожаром святого Преодоления. Так свершается величайший из подвигов Зигфрида-Огненосца. Огненные Предраассветные Сумерки.

* * *

На земле был золотой век, когда Свет царил над Мраком; вселенской Солнце Логе, великая стихия мирового Пламени свободно сияла в мире, неомраченно горела в сердцах светлых детей Земли. После дневного ликования Солнце смягчало свое сияние, склонялось к Западу; оно располагалось зарей на краю небес, потом гасило свой свет до утра. На мир сходили вечер и ночь; но этот вечер и эта ночь рождались не Мраком, не темными чарами, гасящими Солнце. Солнце само засыпало в урочные часы отдыха; Пламень Опьянения сам затихал до утра в сердцах детей Земли.

Но пришел конец золотому веку; темные силы омрачили Мировой Пламень. Могучий Вотан создал копье, и чары копья связали свободу Логе в нем самом и во всем мире; и теперь Мировой Огонь пылает уж не так ярко, как прежде:

Nicht hell eracht'ich das heilig Alte,
Da Loge einst
Entbrannte in lichter Gluth!
Durch des Speeres Zauber
Zähmte ihn Wotan!

И в мире воцарился вечерний сумрак, рожденный темной стихией; это не тот святой сумрак, что разливался в мире, когда Солнце, свободное еще, само уходило на отдых за край небес. Теперь вселенское Солнце Логе Тьмою приневолено вечно гореть лишь вечерней зарей, смилив дневное сияние, и темные силы готовятся в грядущем до конца загасить Солнце и навевать на мир вечную Ночь.

В Золоте Рейна один из сонма богов зовется Логе, носит имя великой стихии мирового Пламени. Логе-бог вечно соприкасается, соединяется с Логе стихией, словно выходит из нее; напевы «Огня» неустанно сопровождают его; боги порой зовут его «Пламенем».

Логе в «Золоте Рейна» - вечный спутник и союзник Вотана. Вотан-Огненосец, в него влилась часть мировой стихии Пламени. Логе-бог есть воплощение этого Вотанова Пламени. Сама

стихия Мирового Огня слепа, но, влившись в душу своего носителя, она становится зрячей; там она видит, на что направить ей мощь своих лучей, какой светлый подвиг свершить; это указывает ей разум носителя; его разум, вот ее очи; он созидает для нее свои замыслы о подвигах, чтобы она превращала их в светлые дела. И в Логе-боге воплощена эта зрячая пламенность Вотана, Огонь, слившийся с разумом в неразрывном союзе. Логе-бог это Пламенный Двойник Вотана, другой Вотан; это Вотан в те его мгновения, когда вперед выступает его пламенность; когда Вотанов разум созидает замыслы о подвигах, и огненная мощь его свершает эти подвиги.

Огонь Вотана укрощен Копьем; Логе – Двойник подвластен игу Копья. Логе – носитель всего светлого в Вотане; чары Копья – это мрак, что заразил Вотаново существо, угнетая в нем все светлое. В Логе-рабе Копья пред нами сам Вотан, омраченный в своей светлоте, и с ним весь сонм богов, также омраченных.

Пламенная сила Вотана ослаблена. Прежде в борьбе с темными врагами его зоркий разум вел эту силу путями прямыми и открытыми; но там, где не хватает силы, свободной огненной отваги, нужна помощь хитрости и лукавства. Логе, Двойник Вотана, должен теперь хитрить в борьбе с врагом; теперь ложью и притворством он заманивает врага, усыпляет его бдительность и лишь тогда обращает на застигнутого врасплох свою огненную мощь. Некогда Вотан во всем прибегал лишь к пламенной отваге; но теперь уж нет в Двойнике его полноты и свободы этой разящей отваги, и Логе стал хитрецом поневоле, и Вотан должен прибегать к его хитрости.

Wo freier Mut frommt
Allein, frag ich nach Keinem;
Doch des Freindes Neid
Zum Nutz sich fügen,
Lehrt nur Schlaueit und List,
Wie Loge verschlagen sie übt!

Логе-Двойник ослаблен Мраком, и потому в нем вечное сомнение в своей огненной мощи, в победе ее над врагом. Вотан, замыслив пламенный подвиг, каждый раз вопрошает Логе, сможет ли он свершить его в союзе с ним; и Логе обещает, но каждый раз Вотан улавливает в ответе его вечно уклончивое, неуверенное. И думается Вотану и всем богам, не солгал ли Логе, не замышляет ли он коварной измены своему обещанию. И в подозрениях своих они заранее клеймят Логе именем лжеца:

Loge heist du, doch nenn'ich dich Lüge!¹

Так Вотан сам и с ним все боги утратили былую уверенность в Вотановой огненной силе.

На свободное пламенение Огня Жизни в душе откликается ликующий смех. Ослабевает пламенение под игом Мрака, когда искажается смех, откликающийся на него; он становится из вольного словно сдавленным, из радостного – насмешливым, из беззлобного – язвительным. Сердце Логе-Двойника есть огненное сердце Вотана; омраченный Логе полон этого искаженного смеха; с ним он злорадно язвит богов, поработивших его, насмехается и над торжеством их, и над горем. Это язвительный сдавленный смех Вотана над самим собой и богами.

В Двойника Вотана влилась пламенная стихия; лишь хитрость Логе делает ее зрячей, сама она слепа и бесхитростна; лишь в сердце Вотана, его Двойника, на омраченное пламенение откликается трепет язвительного смеха; в самой стихии Огня подавлен ее ликующий хохот, но нет насмешки. За то живет в недрах Мирового Пламени некое таинственное предчувствие, слепое, как и он сам. Это предчувствие грядущего освобождения от ига Мрака, мечта омраченного Пламени, о пожаре искупления, которым он некогда вспыхнет, одолевая Мрак, неутолимая жажда этого пожара. И полный этой жажды, Мировой Огонь Жизни ждет чуда, которое укажет ему, слепому, путь к желанному Преодолению Мрака, и с немолчным глухим ропотом он словно грызет в нетерпении древно Вотанова Копья, где таятся чары этого мрака.

А Вотан среди советов, что нашептывает ему Логе, порой слышит таинственную мольбу об освобождении: этот таинственный совет уже не от Двойника его; его нашептывает ему сам скованный Мировой Пламень, слепой и ждущий искупления. В этом совете не хитрость Логе раскрывает Вотану замысел, как одолеть врага, в нем внемлет он таинственному слепому порыву Пламени к Мировому Пожару; здесь из-за лица Двойника, вечно загадочного и злобно-насмешливого, на Вотана глядит мятежный, но чуждый злобы и насмешки лик самого мирового Огня Жизни, слепого, но таинственно предчувствующего грядущий Пожар.

Räte raunt'er (Loge) dem Gott:
An des Schaftes Runen frei sich zu raten,
Nagte zehrend sein Zahn!

Мировой Логе пылает Вечерней Зарей; прежде свободный, он сиял на нем могучим Солнцем. Но под гнетом ночного сумрака он вечно мечтает о грядущем освобождении; он знает в недрах своих: наступит час Великого Пожара, и его Вечерняя Заря обратится в Утреннюю, и из Утренней, преодолевая ковы Мрака, вновь подыметя Солнце. Великий таинственный Пожар Искупления возжет Пламенный Зигфрид, Солнечный Герой.